

Он постепенно успокоился. Перед его внутренним взором проплывали образы: мать, лежащая в постели в беспомощной тревоге; Фу Бу, слабый телом, но полный решимости сделать что-то для страны; страдающий Китай; всё ещё спокойный Бэйпин; знакомые соседи и переулки.

Он открыл глаза. Возможно, он всё это время упускал что-то очень важное.

Сердце Фу Бу.

Тот никогда не был просто плоским персонажем на бумаге. Он был объёмным, живым человеком, из плоти и крови, но олицетворял собой не только себя. Он был одним из тысяч, миллионов таких же китайцев — растерянных, чувствующих своё бессилие. Слабость не означала трусости. В его груди тоже билось сердце, болевшее за судьбу страны. Его горечь проистекала не только из-за того, что всегда мягкая мать вдруг стала настаивать на его отъезде и отвергла его идеи. Он понимал, что творится в мире, но ничего не мог поделать. Он не был как Хуа — сильным, разбирающимся в обстановке, способным анализировать. У него был только дар к рисованию. Он не мог защитить даже собственную мать. Он хотел что-то сделать — для своей маленькой семьи, для большой страны, — но был бессилён.

Ради чего он проливал слёзы? Пожалуй, только его собственная, сокровенная горечь знала ответ.

Сюй Чжичжэнь поднялся, подошёл к Чэнь Сунъяню, встретился с ним взглядом и кивнул.

Чэнь Сунъянь с облегчением выдохнул. Слава богу, он прозрел.

При мягком свете свечей, хотя на дворе стоял день, в этом холодном дворе, как всегда, теплились огоньки. Пламя было слабым, будто его могло задуть любое дуновение, но оно никогда не гасло. Даже в самые тёмные времена оно продолжало гореть тусклым красным огоньком, дожидаясь, когда кто-нибудь возьмёт серебряные ножницы и подрежет нагёр.

Фу Бу подошёл и опустился на колени у материнской постели, не проронив ни слова.

— Бу, что случилось? — слабо спросила мать.

Он долго молчал, бессознательно мну в руках край одежды, плечи его беззвучно вздрагивали. Когда он наконец поднял голову, глаза его блестели от наворачнувшихся слёз.

— Мама, я... можно я не поеду в Англию? — с трудом выдавил он, слёзы стояли в глазах, готовые вот-вот хлынуть.

Мать резко закашлялась, отвернувшись, чтобы сын не видел её приступа. В долгих, надрывных звуках кашля Фу Бу пристально смотрел на трясущееся, беспомощное тело на кровати, чувствуя, как бессилие и отчаяние сжимают ему горло. Он лишь сильнее впился зубами в губу.

Кашель наконец стих. Она повернулась к нему и с укором сказала:

— В Бэйпине становится всё беспокойнее, как ты можешь... как ты можешь ещё оставаться здесь?.. Забудь свои прежние мысли, это слишком опасно. Послушай... послушай маму, уезжай за границу. У тебя талант, ты любишь живопись, в Англии тебе будет хорошо. Та школа... говорят, очень знаменитая. Дядя послал туда несколько твоих работ, они пришли от них в восторг. Всё уже решено, к чему ты сейчас это говоришь?.. — Она снова закашлялась. — Будь

умницей, Бу, уезжай. Уедешь — и не о чем будет беспокоиться.

Но он заплакал ещё горше. Слезы текли беззвучно, капля за каплей падая на синий халат и оставляя на ткани тёмные, мокрые пятна.

— О чём плакать?.. Опять впал в детство? Вечно ты ревёшь, — мягко сказала мать, вытирая платком его мокрое лицо. — Послушай маму, хорошо?

— Но... но... — всхлипнул он, в голосе слышались и досада, и покорность судьбе. — А как же ты? А я?.. А они? А все люди в Бэйпине? Разве от этого мира можно просто убежать?

Мать лишь улыбнулась ему — кротко, нежно, как те безымянные белые цветочки у окна.

— Не беспокойся. Я столько лет держалась. К тому же, на праздники ты сможешь приезжать ко мне, правда? Разве это не хорошо?

Он понимал, что всё сложится не так, как он надеется. Он не мог перечить материнской воле, тем более теперь, когда её тело сковывала болезнь.

Он крепко зажмурился и с силой ударился лбом о пол.

— Мама, я понял.

На лице матери появилась умиротворённая улыбка. Она протянула руку, чтобы поднять его, взяла его ладонь в свою и прохрипела:

— Понял — и хорошо. Мой Бу потом станет великим художником, ведь так?..

— Хорошо! Снято!

Сюй Чжичжэнь всё ещё плакал. На лбу у него краснела отметина от удара. Актриса с жалостью погладила его по голове.

— Не больно? Так сильно стукнулся, у меня сердце ёкнуло.

Он ещё не до конца вышел из роли. Окружающая тишина сменилась привычным съёмочным шумом, ассистенты уже бежали к нему, чтобы накинуть длинный халат и осторожно отвести на стул.

Брат Ян сунул ему в руки грелку, затем достал из рюкзака пачку салфеток.

— Сяо Сюй, вытри слёзы. Наконец-то сняли, похоже, режиссёр доволен.

Только тепло в ладонях медленно возвращало его в реальность. Он сжал салфетку и принялся вытирать лицо. К актрисе тоже подошёл её ассистент поправить макияж. Сюй Чжичжэнь опомнился и смущённо пробормотал:

— Я не сразу очухался. Не больно, ничего не чувствую.

Эти слова лишь усилили беспокойство собеседницы. Она вздохнула, спустилась с кровати и присела перед ним на корточки.

— Уже краснота, а ты говоришь — не чувствуешь. Гримёру потом подправлять придётся. Молодой ещё, говорят, на первом курсе?

Он смущённо кивнул, прижимая к себе грелку.

— И это нормально. Молодой — опыта мало. Но режиссёр не ошибся, выбрав тебя. В роль входишь быстро, состояние ловишь. Только... — она положила руку ему на голову. Пальцы были прохладными, движение — мягким. В её глазах мелькнула жалость. — Меру знать надо. Это всего лишь маленький эпизод, снимаешься ты всего несколько дней, вернёшься в институт — и через пару дней из роли выйдешь. А если потом попадётся роль посложнее, что, каждый раз так изматываться будешь? Себе же дороже, правда?

Она слегка улыбнулась, стараясь говорить полегче.

— Так что учись этот баланс чувствовать. Но себя не корить — ты ещё юнец. Хоть и с актёрского, но тебе этому пока не учат... Пока на ощупь идёшь, с опытом придёт.

Он кивнул, понимая её не до конца.

— Спасибо за совет, сестра Цинь. Обязательно над этим подумаю.

Цинь Чжи махнула рукой.

— Какие там советы, просто слова. Талант у тебя есть, ращу твоим успехам.

Он снова закивал, всё ещё ощущая, как скованность отступает под накатывающим теплом, и повторял:

— Спасибо, сестра Цинь, спасибо.

Когда Цинь Чжи вернулась на кровать, он вдруг сообразил, как глупо выглядел, даже не встав и не поклонившись как следует...

Чэнь Сунъань неспешной походкой подошёл похвалить его за отличную игру — мол, наконец-то проникся персонажем, — и сказал, что нужно будет доснять несколько кадров.

Сюй Чжичжэнь кивнул в знак согласия, перекинулся с режиссёром парой фраз. Когда гримёр уже приготовился поправлять ему макияж, он вдруг что-то вспомнил, ухватился за рукав Чэнь Сунъаня и, смотря на него настойчивым взглядом, спросил:

— Но, режиссёр... а Фу Бу... неужели он и вправду должен быть таким... таким несчастным?

Он не мог защитить больную мать, не мог сберечь свою мечту. Хотел послужить стране, но умер в тени, даже не ступив на поле боя. Его жизнь казалась прекрасной и героической, но в глубине была полна трагедий, а горечь тысяч утрат скрывалась под слоем боли. Его чистота и наивность были достоинствами, но добрым редко достаётся добрая судьба. Хотя он пожертвовал собой ради страны, помнили о нём лишь несколько товарищей по организации да родные. На надгробии было начертано лишь: «Фу Бу из семьи Фу» — и больше ничего. Прожил мало — вот и вся память.

Он вступил в организацию с горячим сердцем, желая вложить свои силы в спасение любимого Бэйпина, усердно тренировался стрелять и драться — но так и не добрался до поля боя, потеряв молодую жизнь.

Особенно когда смотришь на этого персонажа словно со стороны, сердце сжимается от жалости и сожаления. Остаётся лишь вздыхать о превратностях судьбы.

На глазах у Сюй Чжичжэня снова выступили слёзы. Он не отпускал рукав Чэнь Сунъяня, словно пытаясь выпросить у режиссёра объяснение, оправдание для этого вымышленного человека.

Чэнь Сунъянь на мгновение замер, затем опустил голову, обдумывая ответ.

— Он успел посветить, — медленно произнёс он. — Для него, возможно, этого достаточно.

Сюй Чжичжэнь постепенно разжал пальцы и опустил взгляд.

— Да, — тихо отозвался он.

Примечание автора:

<http://bllate.org/book/16272/1464535>